

Постников В.С., Постникова О.А.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧ. XVI В.

Военные знания в России возникли и развивались одновременно с образованием и развитием русской государственности и были адекватным ответом на многочисленные военные угрозы, нашествия и войны. Сначала они отражали борьбу с Византией, Хазарским каганатом, кочевыми племенами, а позже противодействие татаро-монгольским ордам и захватническим военным походам западных стран (Литвы, Польши, Пруссии, Швеции).

Воинские успехи князей древнерусскими авторами считаются их главным достоинством. Так, в житийном повествовании Иакова Мниха о князе Киевском Владимире Святославиче (Красно Солнце), относящемся к 989 г., говорится: «Когда вот так, в добрых делах пребывал князь Владимир, Благодать Божия просвещала сердце его и рука Господня помогала ему – побеждал он всех врагов своих, и боялись его все» [7]. Победа над врагами полагается делом богоугодным. Не случайно в «Житии Блаженного Владимира» (987/989) в уста самого князя вкладываются слова: «Боже, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них! Призри на людей Твоих и дай им познать Тебя, и утверди в них веру истинную, а мне помоги против врагов, чтобы я победил их». Ведь эта победа позволит князю «ставить церкви на тех местах, где кумиры стояли; ... церковь святого Василия на холме, где стоял идол Перуна. ... Людей ко Крещению приводить и детей учить грамоте» [7].

Своим достоинством воинскую доблесть считал и другой князь Владимир – Мономах, внук предыдущего. Объясняя потомкам значение своего прозвища, он в «Поучении» пишет, что родители назвали его Единоборцем (греч. Мономахом) потому, что «Владимир ... был по матери внук греческого царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъяслял особенную доблесть воинскую». Подводя итог своей жизни, он не забывает перечислить совершенные победы: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с Половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках. ... Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы...» [8].

Киевское и молодые русские удельные княжества южных регионов Русской земли постоянно испытывали реальную угрозу военного нашествия с юга – из Причерноморья и Дона. Достаточно полно и весьма ярко та эпоха нашла отражение, например, в литературном памятнике «Слово о полку Игореве» (XII в.) «С кем воевать, того надо знать» – руководствуясь этим всеобщим принципом, русичи были вынуждены приспособлять свою военную организацию и военное искусство к борьбе с разными противниками.

В период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.) удельные

самостоятельные княжества, оказавшиеся к тому же под гнетом монголо-татарских завоевателей, утратили ранее достигнутое в военном деле. Добиваясь лишь собственного возвышения, правители отдельных княжеств беспокоились прежде всего о своих сугубо личных, региональных интересах, не заботясь о национальных, общерусских проблемах, в частности, выживании и безопасности. И не случайно следовали одно за другим военные поражения русских войск на западе и востоке. Отдельные победы (например, в Ледовом побоище 1242 г. под руководством князя Александра Невского) не могли до поры до времени радикально изменить сложившееся принижённое положение русских земель. Но и в этих условиях военные знания накапливались. Обобщался опыт борьбы русского войска, в котором важную роль играли пешие ополченцы, формировались национальная стратегия и тактика борьбы с иноземными войсками.

Историческую миссию собирания разрозненных русских земель в единое государственное образование взяла на себя Москва (Московское княжество), используя для этого и военную силу. Московское княжество закономерно стало ведущим, организующим центром и духовной основой новой государственности. Хотя оно еще довольно продолжительное время оставалось в большой зависимости от монголо-татарских ханств, уже к XVI в. у московских великих князей появились значительные экономические, материальные и военные возможности. Убедительная победа войск Дмитрия Донского над грозным противником – войском Золотой Орды в битве на Куликовом поле в 1380 г. означала, что Русская земля уже способна надежно обеспечивать свои национальные интересы.

Особо нужно отметить, что в русской военной науке систематизировано велись наблюдения за военным опытом соседних государств. И если до возвышения Московских князей над Русью эти сведения касались в основном военного опыта кочевников – половцев и татар, то, начиная с XIV в., идет переосмысливание тактики поляков, венгров, литовцев, германцев.

В рукописном сборнике, относящемся к 1341 г., читаем: «В лето 6914, индикта в 14-й день, прииде поганый отступник правые веры Христианския, неверник правде – крестному целованию, Князь Витовт Литовский, и повоева Псковскую волость, и город Коложе взя на миру, на крестном целовании, а миру не отказав, ни крестного целования не отослав, ни мирных грамот ко Пскову, а грамоту разметную к Нову-городу. А сам поиде на Псковскую волость повоевати. Первее прииде на Коложанскую волость, на Фарисееве недели: оных иссече, а иные поведе в свою область; а всего в полон взята одиннадцать тысяч мужей и жен и детей. А под Вороничем городом наметаша рать мертвых детей две лодки. Не бывало пакости таковой, как и Псков стал; и то за умножение грехов ради наших» [3]. Как видно, отмечается особое коварство западных соседей, заключавших мирный договор, но тут же нарушавших его и уничтожавших мирное русское население поголовно.

Эпоха становления единого централизованного русского государства была отмечена не просто накоплением военных знаний, но и развитием

военной мысли. Хотя тогда не существовало еще целостной теоретической системы военных знаний, но научные представления о войне, армии, военном искусстве, факторах победы в войне уже были. Подтверждением этому могут служить военные победы Великого Московского княжества в многочисленных войнах и военных походах.

К этому времени следует отнести и первые описания полков, связанных своим происхождением с конкретной территорией, по сути полковые истории. Любопытными в этом плане документами являются Устюжская и ей подобные летописи. В сборнике статей «Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века» приводится такой анализ: «Устюжская летопись упоминает, что в 1462 году «посылал князь великий Иван Васильевич рать на черемису, воивод своих... а с ними устюжане, да вологжане, да галичяне». В отправившихся в судах к Великой Перми «устюжанах» [видим] не детей боярских великого князя, «привычных к конному строю», а пеших ратников – «земское ополчение, набранное с определенного числа дворов. Именно такая пешая рать была наиболее пригодна для марш-маневра на речных судах». В «вологжанах» (а может, и в «галичанах») следует видеть ополченцев, набранных в посошную службу. Впервые о «вологжанах», участвовавших в военном походе, повествует Новгородская IV летопись. Зимой 1386 года великий князь Дмитрий Иванович, «дръжа гневъ на Новгородъ про Волжанъ и про княжчины», выдвинул на Новгород объединенное войско в составе дружины Владимира Андреевича и 28 областных ратей. В числе последних названа и «вологодская рать». Итак, немногочисленные летописные данные позволяют обнаружить в среде вологодского общества XIV – сер. XV в. особую категорию населения, готовую в период разного рода «розмирий» выступить в военный поход» [1].

На Руси того времени появились военные мыслители, во многом опередившие западных военных теоретиков по основным направлениям познания войны и военного дела. Следует упомянуть, например, писателя-публициста И.С. Пересветова, который в сер. XVI в. разработал программу военной реформы в Московском государстве. Крупный русский дипломат, военачальник и военный теоретик А.Л. Ордин-Нащокин (ок. 1615–1680) выдвинул ряд смелых идей по переустройству Русского государства и его военной организации, опираясь на отечественный военный опыт и критически осмысленный опыт передовых стран Западной Европы. Хорошо известны крупные военные программы В.В. Голицына, часть из которых удалось реализовать на практике.

Сложившееся к нач. XVI в. единое национальное Русское государство представляло собой достаточно мощную в военно-экономическом отношении европейскую державу. Этому способствовали и государственные преобразования, в том числе военная реформа царя Ивана IV (Грозного). В XVI в. русские восприняли все лучшее из прошлого военного опыта и активно использовали военную силу для обеспечения национальных интересов и безопасности страны. В многочисленных сражениях с врагами на западе (Ливония), на юге (Крымское ханство) и на востоке (Казанское

ханство) накапливался и обогащался военный опыт россиян. На его основе русская военная мысль смогла выдвинуть рациональные для своего времени формы организации армии – поместная система, стрелецкое войско.

Особое место в общественной мысли того времени занимает проблема гуманизма. Эволюция гуманистической традиции в отечественной социально-философской мысли заслуживает особого внимания. Говорить о всестороннем влиянии итальянского гуманизма на русскую культуру подобно тому, как это происходило с кон. XV в. и на протяжении XVI в. в странах Западной и Центральной Европы, видимо, не приходится. Хотя в это время на Руси были хорошо известны некоторые произведения итальянских гуманистов, все-таки можно считать, что изначально гуманистическая идея в отечественной социальной мысли развивалась относительно самостоятельно. Попробуем это проследить на основе литературных источников. Но сначала сделаем небольшой экскурс в русско-итальянские связи. Еще в нач. XX в. И.И. Квачала, исследователь творчества Т. Кампанеллы, обратил внимание на его послание великому князю Ивану IV, так и не дошедшее до адресата, в котором он излагал характерные для католицизма теократические идеи. В частности, юный мыслитель утверждал, что возможно создание мирового государства под эгидой папы римского и безуспешно попытался убедить в этом Ивана IV, указывая на опасность ислама. Он же пытался убедить царя привести русское государство к «лучшей культуре», аргументируя это ссылками на Платона, Пифагора и Вергилия [4, с. 13-15; 5; 6, с. 78]. Можно предположить, что это послание Кампанелла сочинил в начале своего творческого пути. В 1602 г., находясь в испанской тюрьме, Кампанелла пишет «Город Солнца», где формирует новое вероучение – тот самый «новый закон, который будет лучше закона христиан». Этот «новый закон», по которому, как полагает Кампанелла, люди станут жить в будущем идеальном государстве, все подчинит закону природы. Причем «новый закон» – это новое, истинное вероучение, которое Кампанелла прямо противопоставляет католицизму.

Как известно, русская гуманистическая мысль формировалась под мощным влиянием восточной ветви христианства, которая зародилась в Константинополе. Так что несостоявшийся диалог между Кампанеллой и Иваном IV не мог бы иметь какого-либо успеха. К тому же отец Ивана IV, великий князь Василий III находился под влиянием послания к нему старца Филофея Псковского, относящегося к 1510 г. Это послание составило суть теории «Москва – Третий Рим», которая в интерпретации Е.Ф. Шмурло выглядит следующим образом: «Церковь старого Рима пала от Аполлинариевой ереси; церкви Второго Рима, Константинополя, рассечены секирами неверных и агарян; Московская же церковь – церковь Третьего, нового Рима, светится во всей поднебесной паче солнца. И ведай, благочестивый царь, один ты во всей поднебесной именуешься святым и благочестивым царем... первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому совсем не бывать, так как надобности в нем не будет: два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [9, с. 165].

Итак, эволюцию гуманистических традиций следует рассматривать в русле византийского влияния на русскую культуру, учитывая, разумеется, самобытность последней. Действительно, русское церковное сознание рассматриваемого периода достаточно четко выразил Иван IV в обращении к папскому легату: «наша вера христианская, а не греческая». Упомянувший эти слова В.В. Зеньковский обращал внимание на то, что греческий язык стал на Руси богослужебным языком, что обусловило языковую изолированность русского мира. «Политическая идеология в XVI и XVII веках, – отмечал Зеньковский, – всецело создавалась именно церковными кругами... во имя освященности исторического бытия. Поспешное усвоение священного смысла церковной власти, вся эта удивительная «поэма» о «Москве – Третьем Риме» – все это цветы утопизма в плане теократическом, все это росло из страстной жажды приблизиться к воплощению Царства Божия на земле. Это был удивительный миф, выроставший из потребности сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности» [2, с. 34, 41].

Таким образом, проблема соотношения мира в целом и мира для России тщательно прорабатывалась уже в средневековой русской философии.

Термин «воинская, или ратная, наука» возник в Русском государстве в начале XVII в. Его содержанием на первых порах была совокупность уже довольно многообразных для того времени прикладных (военно-технических) знаний. Формой изложения этой «науки» являлись уставы, другие государственные документы, в которых в виде «указов и статей» сообщались различные сведения, правила и рекомендации по большому кругу вопросов военного дела.

Одним из первых, если не первым, такого рода уставом, отражавшим уровень развития отечественной военно-теоретической мысли нач. XVII в., являлся рукописный «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки...», разработанный в 1607–1621 гг. по распоряжению царя В.И. Шуйского дьяком Посольского приказа Онисимом Михайловым (Родишевским). Автор – высокообразованный для своего времени человек, внимательно изучив организационную и боевую практику русского войска, военно-историческую и иностранную военную литературу, сумел обобщить в своем труде имевшийся не только национальный, но и западноевропейский опыт военного дела. Создание этого труда имело целью, как указывалось во введении, обеспечить «крепкое ратное строение», т.е. укрепление боеспособности войск Российского государства. В нем излагались права и обязанности начальствующих лиц русской рати исходя из ее устройства, предлагались некоторые административные улучшения; содержались рекомендации по организации похода и расположения войск на отдых, службы охранения и разведки, осады и обороны крепостей; давались указания по подготовке и ведению боя, обучению и воспитанию служилых людей и др. Больше всего в Уставе уделялось внимания артиллерии (наряду) и ручному огнестрельному оружию, их изготовлению и тактически грамотному применению во всех видах боевой деятельности (из 663 его

статей вопросам «пушкарского» дела отведено более 500). В связи с этим можно утверждать, что по своему содержанию этот труд является также первым русским артиллерийским уставом.

Заметным шагом вперед в развитии военной теории стало издание в 1647 г. в Москве по указу царя Алексея Михайловича первой русской печатной военной книги «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Она получила силу официального руководства для появившихся в русском войске в 30-х гг. XVII столетия так называемых полков нового, или иноземного, строя. Неизвестный автор задумал «объявить богатую ратную мудрость», которая «опречь богословие, паче и превыше всех иных мудростей». Эта «мудрость», т.е. воинская наука, помогает войску «легкими трудами себе великую прибыль, а недругу большую поруху учинити»; она учит, «как добро воевати». В «Учении и хитрости...» резко критиковались противники «ратной науки» (эти люди названы в предисловии «глупыми ослытами»), утверждалось, что «добро воевати», т.е. добиваться победы в войне, возможно лишь при регулярном обучении военному делу в мирное время. В труде впервые делалась попытка дать характеристику войн и определить отношение к ним. «То слово война общее есть слово, и имеет в себе различные статьи, и разделяются в различные войны, как есть межусобная война в своей земле, и как есть явные войны, которые войны из (за) земли или за землю бывают». При этом «межусобные» войны, когда все, что создано «во многие лета великими трудами», подвергается разрушению, осуждались, а «явные», т.е. «прямые», или «справедливые», когда «один государь от другого идет свою землю осилити и отнятии», признавались законными. Таковыми же признавались и войны, которые велись против нехристиан – турок, татар, варварских людей, а также против любых захватчиков.

Автор труда решительно осуждал наемничество, вскрывал пороки западноевропейских армий, в которых солдаты готовы и «дьяволу из-за денег служить» [10].

В XVII в. появились также некоторые элементы русской военно-морской науки. Так, на первом построенном в России в 1668 г. военном корабле «Орел» были составлены для экипажа 34 «статьи артикульные», или «Письма корабельного строя», в которых излагались основные правила корабельной службы, в т.ч. и в боевой обстановке. Содержавшиеся в этих «Письмах...» теоретические положения легли затем в основу военно-морского устава Петра I.

К концу XVII в. Россия представляла собой крупнейшее по территории многонациональное государственное образование, превосходившее по своим человеческим ресурсам и военно-экономическому потенциалу все другие отдельно взятые европейские государства.

Таким образом, XVII в. стал периодом накопления организационного и боевого опыта, ознакомления с военной теорией и практикой западноевропейских государств, появления в стране новых элементов военной системы, временем зарождения военной науки. Предпосылки

последней возникли из потребности обучать и воспитывать русских ратных людей все более усложнявшейся в то время технике военного дела. С учетом существовавшей уже и тогда преемственности в его развитии эти предпосылки имели большую ценность для последующей эволюции военно-теоретической мысли, формирования ее в относительно самостоятельную область научных знаний.

Список использованной литературы:

1. Вологодский служилый «город» в XV – начале XVI века [Текст] // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. – М.: Языки славянских культур, 2010.

2. Зеньковский, В.В. История русской философии. В 2 т. [Текст] / В.В. Зеньковский. – Л., 1991. – Т. 1. – Ч. 1.

3. Извлечение из историко-статистического описания города Опочки [Текст] // Журнал министерства внутренних дел. – 1840. – № 10.

4. Квачала, И.И. Послание Ф. Кампанеллы к великому князю московскому [Текст] / И.И. Квачала. – Юрьев, 1905.

5. Квачала, И.И. Фома Кампанелла [Текст] / И.И. Квачала // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – № 10; – 1907. – №№ 1, 5.

6. Кефели, И.Ф. Гуманистические традиции отечественной социально-философской мысли [Текст] / И.Ф. Кефели // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5.

7. «Память и похвала» Мниха Иакова и «Корсунская легенда». Две версии принятия христианства святым равноапостольным князем Владимиром в памятниках русской письменности XI–XIV веков [Текст] // Богословские труды. – 2001. – № 29.

8. Поучение Владимира Мономаха, им самим написанное для сыновей [Текст] // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1843. – № 162. – Т. 41.

9. Шмурло, Е.Ф. Курс русской истории. Русь и Литва [Текст] / Е.Ф. Шмурло. – СПб., 1999.

10. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1755 (1647 г.) [Текст]. – СПб, 1904.